

МИЛАН КНИЖАК:

Художник, делай выставку в себе самом

Отойти от соцреализма нелегко. Чехам тоже

Поздней осенью в Москве традиционно проводятся Дни чешской культуры. В этом году гостем Дней стал Милан КНИЖАК — художник, профессор, доктор, директор Национальной галереи. Пан Книжка — яркая личность с необыкновенной биографией: он одним из первых в Чехии (тогда — Чехословакии) стал заниматься перформансом, чем неоднократно привлекал внимание властей, находился под следствием, отбывал краткосрочное наказание «за нанесение ущерба международному престижу республики», с 1958 года у него было 60 персональных выставок по всему миру. С 1990 года он — ректор Академии художеств в Праге, с 1999-го — возглавляет Национальную галерею. Это его первый визит в Россию. И первое интервью для российской прессы, данное специально для газеты «Культура».

— Как получилось, что вы, свободный художник, искусство которого столь провокационно, возглавили Национальную галерею, музей старого искусства, который априори должен быть консервативным?

— Я не могу утверждать, что мое искусство заведомо провокационно — напротив, в моем творчестве соблюдены все обычные условности, но не до конца, и, видимо, это и кажется провокационным.

Что касается того, что я стал директором Национальной галереи, то причиной была конкретная ситуация. Национальная галерея — это институционный гигант, неповоротливый и малопроductивный, многие мои предшественники на этой должности потерпели поражение, пыта-

ясь превратить его в современную нормально функционирующую организацию. Я там для того, чтобы принимать непопулярные решения — после шести лет ректорства в Академии художеств у меня есть опыт руководства проблемными организациями.

За полтора года многое уже сделано — прошла общая реструктуризация, вскоре откроется совершенно новая выставка средневекового искусства. Но, я считаю, самое главное, что нам удалось сделать, — это открыть экспозицию «Чешское искусство с 1918 до 2000 года», которую уже очень давно ожидало чешское общество. Это прозвучит, может быть, нескромно, но это больше чем просто музейная экспозиция — это зримая история

искусства Чехии в течение XX века.

— Вы знаете, подобного рода экспозиция открылась у нас в Третьяковской галерее на Крымском валу. Споры вокруг нее до сих пор не смолкают. Основная проблема — что делать с официальным искусством, с социалистическим реализмом? Как к нему относиться — игнорировать, оставить как исторический материал или же рассматривать как пример некоего «большого стиля»? Как вы решили эту проблему?

— Мы выделили официальному искусству особое пространство, скажу также, что в его подаче мы позволили себе немного иронии. Считаю, мы не можем отказаться от этого искусства — это составная часть нашей истории.

Параллельно мы показываем разные течения — ведь у нас существовало одновременно официальное, полуофициальное и альтернативное искусство. Эти два потока существовали синхронно и экспонируются рядом, получается наглядно и хронологически верно.

— Как все созданные одновременно произведения размещены в одном пространстве?

— Да, но пространство зрительно разграничено на три коридора. Художественное оформление для нас очень важно, и, кроме того, мы были достаточно строги, когда дело касалось отбора произведений.

Я побывал на Крымском валу и внимательно посмотрел эту экспозицию, о которой вы говорили. Суть проблемы состоит не в том, показывать или не показывать соцреализм. На мой взгляд, вся эта выставка — решение сумбурное, хаотическое. Создается ощущение некой импровизации, салона художников, когда кто куда что повесил, так и осталось висеть. За пространственным решением отсутствует какая-то общая идея, концепция.

Экспонаты высшего качества перемешаны с абсолютным кичем. Я бы сильно сократил количество работ, выбрал бы ясную драматургию, и тогда соцреализм, если у него будет ясное место, никого не будет смущать. Мне грустно видеть, когда потрясающие образцы супрематизма высшего сорта — вообще 10 — 20-е годы просто супер — соседствуют со слабыми, вторичными произведениями. Особенно много вторичных, некачественных вещей в разделе 1980 — 1990-х годов.

У нас в постоянной экспозиции 80-е годы еще присутствуют, но в очень сокращенном виде, а уже искусство 1990-х мы показываем в виде временных выставок и раз в полгода меняем экспозицию.

— Как вам удастся совмещать художника и чиновника в одном лице?

— Нормально. Я не нахожу в этом ничего странного. Я вообще не люблю художников, которые делают вид, что они не умеют считать, что они безграмотны. Также я не считаю, что для того чтобы быть художником, надо по восемь часов в день

взвешивать и давать определенный объем художественной продукции. Суть художника — это страсть, и ты можешь быть художником независимо от того, занимаешься искусством или нет.

Также я считаю идиотизмом полагать, что все чиновники — дураки. Это общее мнение. Но мне не стыдно быть чиновником, мне интересно. И если бы я даже занял пост министра внутренних дел, у меня был бы творческий подход к этой работе.

— Очень болезненная у нас проблема — соотношение национального искусства и мирового арт-пространства. Существует ли такая проблема в Чехии, смогла ли ваша страна войти в мировой художественный процесс?

— Моя проблема всегда в том, что я не могу для себя определить слово «национальный». Я буду говорить о художниках в Чехии. Ситуация похожа на Россию. Вдруг все признают какую-то фигуру очень значительной. Но на основании чего это происходит, не совсем понятно. Художники в Чехии не прощают тем, кто стал известен в Европе или Америке. Чехи признают тех, кто уже умер, да и его соперники умерли.

— Вы объясняете это своеобразие национального искусства элементарной человеческой завистью, а не какими-то более глубокими свойствами культуры и менталитета?

— Мне сейчас трудно сформулировать ответ на ваш вопрос. Но я абсолютно уверен, что человеческий фактор несомненно играет очень значительную роль, лежит в основе традиции, более того — национального свойства.

— В нашей стране актуальное искусство существует в плотной ауре усложненных смыслов, и кажется, уже навсегда утрачена возможность его непосредственного восприятия. Нужно быть включенным в эту ситуацию. А зрители не имеют желания так глубоко вникать, тратить столько сил, чтобы разобраться в этом. И возникает пропасть между зрителем и современным искусством.

— Существует две стороны этого вопроса. Современное искусство — не только в наших странах, везде — это что-то исключительное, элитар-

ное, и нет смысла упрекать его в этом. С другой стороны, современное искусство уже само осознает свою замкнутость. В наше время нет общего эстетического кода — такого, который существовал в эпохи больших стилей. Поэтому искусство ищет общую тему, интересную для всех, — например, социальные проблемы. Все это меня очень интересует. Трудно в рамках интервью точно сформулировать это. Недавно в своем тексте к выставке я написал, что мы слишком много комментируем искусство. Конечно, была бы лучше эмоциональная реакция, но чтобы ее достигнуть, надо растворить это непонимание, не замечать его.

— Какие выставки вы считаете ключевыми для последнего десятилетия? Какие выставки вы мечтаете сделать в Национальной галерее?

— Хватит выставок! Слишком много выставок. Слишком много жратвы. Хорошо было бы научиться делать выставки в самом себе — каждый в самом себе.

— Какая неожиданная реакция. Еще бы, не тратиться на монтаж, этикетки. Но как же искусству представить себя?

— Презентация напрямую связана с рынком в искусстве, в который вовлечены не только художники, но и теоретики. Я говорю — рынок, но даже не в смысле финансовом, но о неутолимой жажде все нового и нового, свежего мяса — вы понимаете, о чем я? На мой взгляд, это очень бесполезно. Я приветствую такую паузу, которая успокаивает.

— Дает возможность переварить съеденное?

— Да, я был бы счастлив, если бы эта охота за свежей жратвой прекратилась. Этот вектор, эта охота создает внутри художественной ситуации некое давление, которое извращает, деформирует само искусство. Я бы предпочел период тишины. Тишина — это вовсе не значит пассивность. Это некая внутренняя работа.

Может, после этого возникло бы что-то действительно свежее.

Беседу вел
Анна ЧУДЕЦКАЯ